

ГЛАВА IV. Февральская революция и участие, которое принимал в ней Прудон. — Деятельность его в Национальном собрании. — Борьба с радикалами. — Присуждение Прудона к тюремному заключению за ОС

Июльская монархия была сделкой между принципами абсолютизма и народовластия. Луи Филипп в течение своего восемнадцатилетнего правления должен был одновременно опасаться двух крайних партий: партии сторонников законной монархии «милостью Божией» графа Шамбора и партии республиканцев, не удовлетворенных теми ограниченными правами, которые были предоставлены народу конституцией 1830 года. Эта конституция была основана на компромиссе и уже по одному этому носила в себе зародыши разрушения.

Не имея возможности опереться ни на аристократию, ни на народ, правительство Луи Филиппа попробовало основать свою власть на поддержке третьего сословия, буржуазии, которой был антипатичен абсолютизм Бурбонов, но которая в то же время опасалась возвращения режима 1793 года с его волнениями, террором и всеобщим экономическим замешательством. Луи Филипп гарантировал буржуазии мир и порядок, необходимые для экономического процветания страны, гарантировал собственность и в то же время предоставил стране известную долю политической свободы; существовало, хотя и ограниченное высоким имущественным цензом, избирательное право, и законодательная власть была разделена между королем и палатой народных представителей. Девизом всей внутренней политики Луи Филиппа была знаменитая фраза его первого министра: «Обогащайтесь!» И Франция обогащалась, хотя, вместе с тем, возрастала бедность низших классов и развивался пролетариат.

Революция 24 февраля 1848 года, за несколько дней уничтожившая июльскую монархию, была произведена парижскими рабочими. Движение началось требованием реформы и роспуска палаты представителей, не выражавшей истинного настроения страны и служившей опорой правительству. Во главе движения стояла буржуазная оппозиция, требовавшая реформ, но сохранившая преданность орлеанской династии и опасавшаяся революции.

Республиканцы, располагавшие значительными силами среди парижского рабочего населения, были не организованы и не ожидали такой быстрой развязки царствования Луи Филиппа. переворот совершился внезапно. Очевидно, июльская монархия не имела корней в народе и достаточно было небольшого толчка, чтобы здание, казавшееся таким прочным, развалилось.

Мы говорили выше о том умственном движении, которое происходило во Франции в 40-х годах. Под влиянием обострившегося антагонизма буржуазии и рабочего класса выдвинулись на первый план новые общественные задачи. Рабочий вопрос, угрожающий опасностью всей тысячелетней европейской культуре, поглотил все другие вопросы. Появилось новое учение — социализм — которое со времени июльской революции и открытого торжества буржуазии стало приобретать все больше и больше значения.

Правительство Луи Филиппа относилось довольно терпимо к социализму в его различных оттенках, так как не видело прямой опасности для себя от пропаганды идей братства, любви и мирного прогресса, которые были девизом большинства социалистических изданий. Между тем, в действительности развитие социализма в значительной степени содействовало февральской революции и падению трона Луи Филиппа. Рабочая масса не отличалась таким терпением и осторожностью, как некоторые ее вожди, и не побоялась прибегнуть к силе, когда почувствовала возможность успеха.

Прудон занимал особенное положение в социалистической партии. По всем своим основным взглядам он коренным образом расходился с социалистами и скорее примыкал к их противникам, экономистам буржуазной школы. Вместе с тем, в своем последнем сочинении «Экономические противоречия» Прудон подверг социализм и коммунизм такой резкой критике, что не могло, казалось бы, возникнуть никакого Сомнения, к какой партии следует

его причислить. В письмах своих он называет мечтания Фурье, Кабе и других «проклятой ложью». Между тем, общественное мнение ставило Прудона в ряды социалистов. Мы говорили выше о причинах этого недоразумения. Сам он до февральской революции считал себя более близким к экономистам школы Смита и Сея, чем к какой-либо социалистической школе; между первыми у него были приятели, например, Бланки и Жозеф Гарнье, между тем как к последним он относился за малыми исключениями с большой неприятностью и даже враждой.

Политические убеждения Прудона сложились довольно рано. Будучи молодым человеком двадцати пяти лет, он относился к общественным вопросам так же, как относился к ним и после февральской революции. Он называет себя республиканцем, но противником республиканского деспотизма Робеспьера и его подражателей. Он надеется, что республика явится естественным следствием социальной эволюции Франции, но не считает возможным достигнуть чего-либо путем насилия и революции. Время революций прошло, по его мнению, навсегда.

В сущности, Прудон довольно безразлично относился к вопросу о форме правления, считая, что народное благополучие в гораздо большей степени зависит от экономической организации общества, чем от того, имеет ли оно одного или многих повелителей. Поэтому Прудон легко склонялся к мысли вступить в контакт с правительством и много раз добивался его поддержки, не видя в этом ничего противного своим принципам и убеждениям; ему всегда казалось, что враждебное отношение власти к его деятельности основано на одном недоразумении, так как он был врагом насильственных переворотов и, следовательно, сторонником господствующего режима. В этом отношении он походил на многих социалистов той эпохи, которые, например, Окэн, Фурье и другие, не теряли надежды приобщить правительство к своим планам и с его помощью приступить к коренной реформе экономического строя...

В одном из своих позднейших сочинений Прудон говорит о себе, что вряд ли кому другому удавалось так сильно взволновать совесть своих современников. Это до известной степени справедливо. Он именно волновал совесть, возбуждал сомнения и вопросы, но не давал на них ответа. До февральской революции у него не было знамени, вокруг которого он мог бы сгруппировать своих сторонников. Поэтому, несмотря на свою популярность среди низших классов народа, он не имел своей партии и не мог пользоваться тем общественным влиянием, какого достигали люди менее даровитые и энергичные.

В таком положении застала Прудона февральская революция. Он ее не предвидел и не желал. Он пишет своим друзьям, что нужно примириться с совершившимся фактом, но что Франция могла бы успешно развиваться и при прежнем правительстве и достигнуть таких же результатов с меньшими жертвами. Тем не менее и его увлекла революционная горячка, и он тоже принимал некоторое участие в борьбе народа...

Временное правительство, организованное восставшим и победоносным народом, состояло из трех партий: умеренных республиканцев, предлагавших отложить провозглашение новой формы правления до созыва Национального собрания, крайних республиканцев, стремившихся воскресить традиции якобинства и 1793 года, и небольшой группы

социалистов, представленной только двумя лицами — Луи Бланом и рабочим Альбером. При таком составе новое правительство не могло проявить энергии и последовательности в своих действиях. Большая часть его членов враждебно относилась к социализму; но так как новый порядок был создан парижскими рабочими, то и пришлось прибегнуть к каким-либо мерам, способным до известной степени отвечать интересам рабочего класса. Под влиянием Луи Блана правительство торжественно признало право на труд естественным правом каждого человека и учредило комиссию, помещавшуюся в Люксембургском дворце, для исследования рабочего вопроса. Комиссия эта, под личным председательством Луи Блана, образовала из себя нечто вроде рабочего парламента. Вместе с тем, декретом временного правительства были организованы национальные мастерские, которые дали занятие массе парижских рабочих, оставшихся без заработка вследствие наступившего общего экономического застоя.

Прудон не мог сочувственно относиться к временному правительству, составленному из тех самых людей, с которыми он воевал всю свою жизнь. По его мнению, кучка журналистов и писателей, сменившая министерство Луи Филиппа, в несколько недель наделала столько промахов и ошибок, что поправлять их придется годами. Он был противником революции, но уж если революция произошла, то нужно было суметь ею воспользоваться и сделать все возможное для блага народа; вместо этого временное правительство забавлялось красивыми фразами, не думая об их последствиях. По мнению Прудона, признание права на труд не могло гарантировать народу заработок, если не будет изменена вся экономическая организация общества; и занятия Люксембургской комиссии вели только к тому, что возбуждали в рабочих различные надежды, которые правительство не в силах будет осуществить. Сам Прудон еще не окончил к этому времени своей последней брошюры, в которой намеревался доказать возможность преобразования общественного строя, удовлетворяющего интересам всех классов общества. Он поспешно работал над своей книгой и через месяц после падения Луи Филиппа выпустил ее в свет под многообещающим заглавием: «Решение социального вопроса».

Прудон уже несколько лет мечтал принять более активное участие в общественной жизни страны и перенести пропаганду своих идей из ученых кругов в большую публику, в среду рабочих и мелкой буржуазии.

Еще при Луи Филиппе он задумал издавать свой журнал, но издание не могло состояться вследствие недоброжелательного отношения к нему власти. После февральской революции обстоятельства изменились. Прудон почувствовал свою силу и не мог и не хотел оставаться скромным зрителем совершающихся событий.

В своей новой брошюре он торжественно возвестил миру, что ему удалось найти решение задачи, которая волновала всю Францию и привела ее к революции. Он открыл средство обеспечить труд, гарантировать ему достаточное вознаграждение, не нарушая интересов собственников и имущего класса. Средство это заключается в организации дарового, беспроцентного кредита. Временное правительство не сумело понять значение переворота, совершившегося 24 февраля, и вместо примирения буржуазии и народа возбудило между ними вражду и ненависть. Для преобразования современного экономического строя достаточно устроить меновой банк, при помощи которого все производители Франции могли

бы без посредства денег обменивать свои продукты. Билеты этого банка заменят в обращении деньги и гибельная власть золота закончится навсегда.

Таково было придуманное Прудонем универсальное лекарство от всех социальных бедствий. Неудивительно, что временное правительство не обратило внимания на его проект и даже не подвергло его обсуждению в Люксембургской комиссии. Оно было занято другими, более важными делами, главным образом подготовкой выборов в Национальное собрание, которые состоялись 12 февраля. От этих выборов зависело все дальнейшее направление революции. Нужно было узнать, как относилась к совершившемуся перевороту вся страна, провинциальные города и крестьянство, которое везде, а во Франции более, чем где-либо, отличается по своему характеру от городского населения. Радикальная партия требовала отсрочки выборов — для того, чтобы получить время развить избирательную кампанию и приготовить к выборам деревню. Многие радикалы желали даже диктатуры.

Прудону всегда были антипатичны насилие и деспотизм, пусть даже во имя народного блага, и он начал энергичную борьбу с временным правительством, основав для этой цели газету «Le representant du peuple». В горячо написанных статьях он убеждал народ не верить республиканцам и социалистам, стремящимся к власти для того, чтобы пользоваться ею так же, как и все предшествующие правительства Франции. Прудон объявлял себя сторонником революции, но это не мешает ему считать врагами народного блага почти все революционные партии и бороться, по своему обыкновению, сразу со всеми, не давая пощады ни правым, ни левым. Вместе с тем, он продолжал на страницах «Le representant du peuple» отстаивать свои планы реорганизации кредита и противопоставлял их национальным мастерским и другим экономическим мероприятиям временного правительства. В это время популярность его была невелика, и он был забаллотирован громадным большинством голосов на общих выборах в Национальное собрание.

Первое заседание Национального собрания, принявшего в свои руки верховное управление страной, состоялось 4 мая 1848 года. Временное правительство должно было сложить свои полномочия и передать дело революции вновь выбранным представителям народа. Большинство депутатов не разделяло взглядов бывшего правительства и не сочувствовало тем идеям, во имя которых был произведен переворот 24 февраля. Национальное собрание было решительно враждебно социализму и только по необходимости и по неимению никакого другого выхода мирилось с республикой. До выработки конституции для ведения текущих дел была организована исполнительная комиссия, в состав которой вошли все члены временного правительства, кроме Луи Блана и Альбера.

Парижские рабочие, недовольные исходом выборов, 15 мая попытались силой захватить власть в свои руки, проникли в здание, где заседали народные представители, овладели трибуной и потребовали организации министерства труда. Манифестация эта имела своим единственным последствием то, что реакция сделалась еще сильнее и Национальное собрание сознало необходимость тем или иным способом разделаться с парижским пролетариатом, грозившим существующей власти постоянной опасностью. Чтобы покончить с социалистами, нужно было распустить национальные мастерские, которые напоминали народу о торжественных обязательствах, принятых на себя временным правительством, и могли во всякое время сделаться центром революционной армии. Исполнительная комиссия

не побоялась прибегнуть к этой решительной мере, чем и вызвала 23 июня кровавое восстание доведенных до отчаяния рабочих. Весь Париж покрылся баррикадами, защитники которых поклялись «жить честным трудом или умереть, сражаясь» и в течение нескольких дней с отчаянным мужеством сопротивлялись правительственным войскам. Одно время можно было опасаться победы инсургентов, но перевес материальной силы оказался на стороне правительства, и восстание было подавлено...

В начале июня состоялись дополнительные выборы в Национальное собрание и Прудон был выбран 77.000 голосов депутатом города Парижа. В избирательном манифесте он подробно развивал свои излюбленные планы организации дарового кредита и требовал сокращения и децентрализации государственной власти. Манифест был написан довольно сухо и туманно, не указывал никакой определенной программы действий и не мог расположить избирателей в пользу кандидата. Успех последнего объясняется, по всей вероятности, тем, что парижане хотели протестовать своим выбором против реакционной политики нового правительства, открыто ставшего на сторону буржуазии и относившегося враждебно ко всяким экономическим реформам.

В Национальном собрании Прудон не пользовался почти никаким влиянием; он не примкнул ни к какой политической партии и принимал мало участия в парламентской борьбе. Во время июньского восстания он стоял на стороне правительства, хотя и не одобрял его решительных мер и крутой расправы с инсургентами. Между тем обстоятельства складывались так, что он мог рассчитывать на видную общественную роль. После июньского разгрома социалистическая партия потеряла почти всех своих вождей, которые частью бежали из Франции, частью были осуждены и лишены свободы. Социалистические идеи пользовались среди рабочих таким же сочувствием, как и раньше, но некому было поднять знамени социализма и приступить вновь к организации разбитой и рассеянной партии. Прудон остался верен себе и не поддавался искушению занять место Луи Блана, но силою вещей ему пришлось все более и более отождествлять свое дело с делом социализма. До февральской революции он не мог выставить никакого определенного плана общественной реформы; теперь у него было свое собственное решение социального вопроса — даровый кредит. Вражда к деньгам и проценту на капитал сближала его с крайними реформаторами эпохи, и мало-помалу он стал считать себя сторонником социализма.

11 июня Прудон внес в Национальное собрание предложение коренной реформы действующей системы налогов. Все платящие в какой бы то ни было форме капитальную ренту должники, арендаторы, наемщики и так далее должны ежегодно вносить государству шестую часть своего платежа, а одну шестую удерживать в свою собственную пользу. Все другие доходы должны быть обложены временным подоходным налогом. Вместе с тем, Прудон требовал организации кредита, согласно выработанному им плану.

Это предложение было передано для обсуждения финансовой комиссии и отвергнуто ею. 31 июня Прудон произнес в палате горячую речь в защиту предложенной им экономической реформы, громил имущие классы и буржуазию за равнодушие к народу, проклинал собственность и весь современный общественный строй, основанный на невежестве и рабстве. Национальное собрание было до крайней степени возмущено его речью; оратора беспрестанно прерывали, не давали ему говорить; раздавались возгласы: «Вы — второй

Марат», «Вы — сообщник инсургентов», «В Шарантон его!» и т. д. Большинство в 691 голос против двух был вотирован переход к очередным делам, заключавший в себе порицание оратора.

С этого времени Прудон сделался настоящей знаменитостью, а его имя стало предметом ужаса и отвращения для всех сторонников реакции. Он получал массу оскорбительных и угрожающих писем, его осмеивали в газетах и иллюстрированных изданиях, писали на него пасквилы и даже сочиняли для его вящего посрамления целые театральные пьесы. В одной клерикальной книжке серьезно высказывалось опасение, не одержим ли он бесом. Ни один смертный, по мнению составителя книжки, не погрешил столько против человечества, как Прудон. В Национальное собрание в изобилии поступали петиции об исключении из числа народных представителей такого недостойного члена.

Весь этот шум, без всякого сомнения, немало содействовал увеличению его значения как общественного деятеля. Хотя он не мог рассчитывать на какой-либо успех в палате, зато в народной массе имя его делалось все более и более популярным. Его новая газета «Le peuple», сменившая приостановленный правительством "Le représentant du peuple ", расходилась в 70.000 экземплярах; газета могла бы давать ему большие доходы, но он довольствовался скромной платой 50 р. в месяц за свои редакторские труды. Это было единственным временем в его жизни, когда он пользовался обеспеченным материальным положением и мог бы достигнуть богатства. В качестве депутата он получал 8 р. в день, но, как и другие народные представители крайней левой, тратил большую часть своего депутатского жалования на благотворительность и, несмотря на лживые рассказы политических врагов о его мотовстве и расточительности, жил все это время так же скромно, как и прежде.

Прудон выступал за объединение оппозиции под знаменем социальных реформ, но, по своему обыкновению, вносил так много страстности в полемику с отдельными личностями, что гораздо более вредил делу объединения, чем оказывал ему содействие. В начале октября в Национальном собрании у него произошло столкновение с одним молодым депутатом крайней левой, Феликсом Пиа, — столкновение, дошедшее до рукопашной. Через несколько дней после этого между ними состоялась дуэль, окончившаяся благополучно для обоих.

Этот эпизод не мог улучшить отношений между Прудоном и крайней левой. Когда парижские рабочие пожелали устроить банкет в честь оппозиции, крайняя левая наотрез отказалась участвовать в этом банкете, если на нем будет присутствовать Прудон. Тем не менее банкет состоялся, и Прудон произнес среди всеобщих аплодисментов длинную речь; он давал торжественное обещание всегда оставаться верным заветам революции 24 февраля, провозгласившей освобождение труда и требовавшей не только политического, но и экономического равенства всех граждан; он увещевал рабочих не терять уверенности в близком торжестве их дела, несмотря на все происки реакции и неспособность якобинцев понять значение революции.

Между тем гроза надвигалась совсем не с той стороны, откуда ее ждали защитники февральской революции. В числе народных представителей в Национальном собрании

заседал Луи Наполеон, племянник великого императора, в котором французский народ видел олицетворение воинской славы и несчастья родины. Луи Наполеон много раз публично заявлял о своей преданности республике и старался сблизиться с вождями республиканской партии. Он пожелал повидаться с Прудоном и при свидании завязал с ним оживленный разговор по текущим политическим вопросам, о запрещении нескольких республиканских газет и тому подобном. Будущий император французов говорил, как убежденный республиканец, и оба собеседника расстались вполне довольные друг другом.

4 ноября Национальное собрание приняло выработанный особой комиссией проект новой конституции. Во главе правления должен стоять президент республики, избираемый голосованием всего народа и облеченный верховной исполнительной властью. Прудон на парламентской трибуне и в печати энергично боролся против президентской власти и доказывал всю опасность этого нового учреждения для народной свободы. Он предвидел близкое наступление монархии и в день голосования совсем воздержался от вотума, объявив публично, что, по его мнению, французский народ не нуждается ни в каких конституциях, весь смысл и значение которых заключается в ограничении воли народа. Франция существовала без конституции со времени февральской революции и может так же существовать и в будущем. Нечего и говорить, что народные представители не были убеждены доводами Прудона.

Из всех кандидатов в президенты республики генерал Кавеньяк, усмиривший июньское восстание и пользовавшийся большой популярностью среди умеренных партий, имел, по общему мнению, более всего шансов быть избранным. Крайняя левая выставила своим кандидатом Ледрю-Роллена, более умеренные республиканцы — Ламартина. Но все они остались в незначительном меньшинстве, и народ большинством в пять с половиной миллионов голосов избрал президентом республики Наполеона Бонапарта.

Избирательная кампания окончательно поссорила радикалов с Прудоном. Он деятельно агитировал против Ледрю-Роллена и не противился кандидатуре Кавеньяка, открытого врага социализма. По всей вероятности, поведение Прудона в значительной степени обуславливалось его старинной враждой к радикальной партии, а, может быть, также и личным раздражением — вследствие того, что республиканцы не выставили его самого кандидатом в президенты республики; по крайней мере, сторонники Ледрю-Роллена давали такое объяснение его несколько двусмысленному образу действий.

Успех Наполеона зависел, между прочим, и от того, что многие социалисты голосовали за него с исключительной целью оставить в меньшинстве генерала Кавеньяка. Тем не менее первым правительственным актом нового президента республики было составление умеренного и буржуазного министерства с Одиллоном Барро во главе. В правление Луи Филиппа Барро принадлежал к либеральной оппозиции, и, когда наступила революция, король прибегнул к его помощи для примирения монархии с восставшим народом; как известно, в то время эта примирительная миссия не имела успеха и не помешала падению монархии. Теперь Барро опять получил преобладающее значение и сделался советником главы государства. Это было открытым вызовом, перчаткой, брошенной Наполеоном социализму и революции. Прудон поднял перчатку и начал в своей газете ожесточенную полемику с президентом, которого он обвинял в заговоре против республики.

После нескольких резких статей в «Le peuple» Прудон был предан суду по обвинению в оскорблении президента и в возбуждении ненависти между общественными классами. Ему приходилось во второй раз выступать на суде по подобному обвинению; как и в первый раз, он защищался искусно и энергично, но правительство Луи Бонапарта отличалось более суровыми нравами, чем министры Луи Филиппа, и обвиняемого приговорили к трехлетнему тюремному заключению и денежному штрафу в 3000 р.

Версия #1

Зверобой создал 15 марта 2025 10:29:44

Зверобой обновил 15 марта 2025 10:30:33